

ФИЛОСОФСКО-РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВА И РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ ШАН ЯНА

<https://doi.org/10.24412/2181-1784-2026-22-85-91>

Абдурахимов А.

*ТГУВ, направление «Восточная философия и культура»
 студент 4 курса*

*Научный руководитель: Иззетова Э.М.
 д.ф.н., профессор*

Аннотация: Проведен анализ процесса перехода от традиционной политической модели, основанной на конфуцианских этических нормах («ли») и родовом праве, к модели рационализованного государства. В центре внимания находится философская концепция «закона» (фа) как универсального инструмента социального регулирования и деперсонализации власти. В работе доказывается, что реформы Шан Яна представляли собой не просто административные изменения, а системное внедрение политического реализма. Особое внимание уделяется философской антропологии легизма и принципу жесткого государственного прагматизма, который предопределил успех объединения Китая под эгидой империи Цинь.

Ключевые слова: легизм, Шан Ян, Древний Китай, рационализация власти, политическая целесообразность, философия права, закон (фа), школа Фа-цзя, государственное управление, политический прагматизм.

Изучение политико-правовой мысли Древнего Китая сохраняет теоретическую значимость, поскольку позволяет проследить ранние формы осмысления власти как автономного порядка. В этом контексте особый интерес представляет наследие Шан Яна, в котором последовательно проводится линия на рационализацию политического управления. Легизм не имел единого классика-основателя: он формировался в среде государственных деятелей, ориентированных на практическое упорядочение управления через систему наград и наказаний. К его основным представителям относят Гуань Чжуна, Цзы Чаня, Шан Яна, Шэнь Дао и Хань Фэя. Наиболее значимой фигурой считается Шан Ян (390–338 гг. до н. э.), поскольку ему удалось не только разработать, но и реализовать ключевые положения легистской программы, оказавшие влияние на формирование централизованной имперской власти.

Определённое воздействие на его взгляды оказало учение Мо-цзы, обосновывавшего необходимость строгой системы вознаграждений и наказаний, санкционированной «волей Неба». В этом смысле моизм можно рассматривать как один из интеллектуальных источников легизма, хотя в последнем моральная аргументация уступает место политическому прагматизму [2,117]. Современное состояние исследований требует не только реконструкции легистских идей, но и их теоретической проблематизации. Мы рассматриваем легизм как одна из

ранних форм концептуализации власти в терминах институциональной рациональности. Он интерпретируется как модель автономизации политики, в рамках которой власть освобождается от морально-этических оснований и приобретает характер саморегулирующейся системы [5,112].

Научная новизна исследования заключается в интерпретации легизма как прототипа системной модели власти, функционирующей на основе механизмов воспроизводства и контроля, независимо от личных качеств правителя. Реформы Шан Яна анализируются как целостный проект институциональной трансформации, направленный на формирование нового типа политической рациональности. При этом концепция закона (фа) трактуется не как прообраз правового государства, а как инструмент конструирования управляемости, подчинённый задачам политической целесообразности [7,452]. В этой связи возникает ряд вопросов: происходит ли в легизме полный разрыв с моралью или трансформируется в скрытую нормативность, обслуживающую интересы государства?

Легизм принципиально отказывается от конфуцианского морального обоснования власти. Если для конфуцианства государство укоренено в этике и ритуале, то для легистов оно выступает как инструментальная структура, ориентированная на эффективность и контроль. Политика перестаёт быть продолжением морали и осмысливается как технология управления, основанная на расчёте и регламентации [10,78]. Социальный порядок в легизме больше не выводится из традиции или добродетели, а конструируется посредством закона (фа), который выступает универсальным и обезличенным регулятором поведения. Закон здесь понимается не как выражение справедливости, а как инструмент управления, обеспечивающий предсказуемость и контроль [2,215]. Завершённую форму легистская доктрина получает у Хань Фэя, который объединяет категории закона (фа), административной техники (шу) и властного ресурса (ши) в единую концепцию функционирования государства. В результате формируется модель власти как самовоспроизводящейся системы, опирающейся на институциональные механизмы контроля, а не на моральную легитимацию [5,325].

Легизм возникает в полемике с другими школами, прежде всего с конфуцианством и моизмом. Если моизм сохраняет связь с моральной аргументацией, то легизм доводит утилитарный подход до предела, подчиняя социальную реальность принципу политической целесообразности [9,101]. Тем самым легистская доктрина утверждает приоритет функционально-рационального подхода к власти, где ключевой задачей становится создание эффективных механизмов управления, а не нравственное совершенство правителя

Ключевую роль в формировании рационально-административной модели власти сыграл Шан Ян, чья деятельность в царстве Цинь представляет один из первых опытов системной рационализации политики. Его реформы следует рассматривать не как совокупность отдельных мер, а как целостный

философско-политический проект, основанный на подчинении социальной реальности принципу политической целесообразности. В этом контексте власть перестаёт быть продолжением морального порядка и приобретает характер институциональной технологии управления [3,120]. Смысл преобразований Шан Яна заключается в переходе от ритуально-нормативной модели к рационально-правовой: закон (фа) становится универсальным и обезличенным инструментом организации общества. Он не выражает моральных ценностей, а обеспечивает предсказуемость и управляемость поведения. Тем самым формируется новая логика власти — деперсонализированная, основанная на формализованных процедурах и контроле [7,52].

Конкретные реформы — экономические, административные и военные — выступают элементами единой стратегии. Разрушение родовых связей, стандартизация налогообложения, введение взаимной ответственности и принципа заслуг свидетельствуют о становлении государства как самодостаточной системы управления, в которой статус индивида определяется функцией, а не происхождением [10,80–85]. Показателен эпизод, зафиксированный в «Ши цзи», где описаны беседы Шан Яна с правителем Цинь. Отказ от конфуцианской модели «правления добродетелью» в пользу легистской программы отражает смену основания легитимности: от морального авторитета к эффективности управления. Власть здесь понимается как результат организации механизмов принуждения и стимулирования, а не личных качеств правителя [12,150–152]. В этом смысле легизм фиксирует новый этап политической рефлексии: власть мыслится как автономная система, способная воспроизводить себя независимо от личности носителя.

Парадокс судьбы Шан Яна — гибель реформатора при сохранении его институтов — подтверждает эту логику: устойчивость власти обеспечивается не субъектом, а структурой. Тем самым легизм закладывает основы понимания государства как рационально организованного механизма, где политическая целесообразность становится высшим критерием управления [5,125]. Принципиальной особенностью легистской доктрины является отказ от сведения политики к этическим категориям. В отличие от конфуцианства, связывавшего эффективность власти с нравственным совершенством правителя, легисты исходили из необходимости рациональной организации управления, учитывающей ресурсы, исторический опыт и административные расчёты. Политика при этом понимается как область практического знания, требующая системного и прагматического подхода.

Рационализация власти выражается прежде всего в её институциональном «обезличивании»: управление перестаёт опираться на традицию и моральный авторитет и переходит в сферу формализованных процедур. В «Шан цзюнь шу» подчёркивается, что эффективная власть возможна лишь при концентрации полномочий у правителя и устранении альтернативных центров влияния. Государство тем самым выстраивается как иерархическая система, где чиновник выступает функцией административного механизма [7,68]. Отказ от

наследственных привилегий и ориентация на заслуги, прежде всего военные, отражают раннюю форму меритократии, лишённой этического содержания. Её задача — не отбор «лучших», а максимизация полезности для государства. Даже практика продажи должностей свидетельствует о приоритете фискальной и политической эффективности над качеством управления [5,120].

Существенным элементом является подчинение локальных социальных структур централизованному контролю. Ограничение автономии общин, внедрение взаимной ответственности и включение семьи в административную систему означают демонтаж традиционного порядка. Общество превращается в объект управленческого воздействия, а рационализация власти достигает своего предела, проникая в повседневную жизнь [9,101]. Характерно и понимание отношений между правителем и подданными. Легизм исходит из их потенциальной конфликтности и отвергает идею гармонии как основания власти. Закон выступает инструментом принуждения, направленным на обеспечение управляемости, а не выражением справедливости. Отсутствие представлений о правах подданных показывает, что государство мыслится не как правовой порядок, а как механизм силы, организованный по принципу эффективности [4,60].

Легизм формирует одну из первых моделей власти как самодостаточной системы управления, в которой политическая целесообразность вытесняет мораль и традицию, а порядок поддерживается через институциональный контроль и нормативное принуждение. В политико-правовой сфере центральное место занимает категория закона (фа), понимаемого как универсальный инструмент упорядочения общественной жизни. Легисты отвергают конфуцианскую концепцию «гуманного правления» как неэффективную в условиях политической конкуренции. Закон выступает механизмом стандартизации поведения, основанным на системе наказаний и поощрений, при этом правитель как источник закона находится вне его действия, что подчёркивает асимметрию власти и абсолютный характер суверенитета [7,375].

Определённая гибкость легистской модели проявляется в признании необходимости учитывать сложившиеся обычаи и позиции локальных авторитетов при разработке нормативных актов. Это указывает на прагматический характер легистской рациональности, ориентированной не на абстрактные принципы, а на эффективное функционирование системы в конкретных исторических условиях [5,352]. Существенным элементом институциональной трансформации становится отказ от наследственного принципа распределения должностей и рангов. Вводится система, при которой присвоение статуса зависит от воли правителя и определяется военными заслугами или материальным вкладом. Подобная практика, включая продажу должностей, отражает приоритет фискальных и мобилизационных задач над принципом профессиональной компетентности. В результате управленческий аппарат формируется как инструмент реализации власти, а не как автономная структура [10,85]

Ключевым принципом легистской доктрины становится идея «сосредоточения на едином», предполагающая подчинение всех сфер общественной жизни задачам государства — прежде всего развитию земледелия и ведению войны. Эти сферы рассматриваются как взаимодополняющие: аграрное производство обеспечивает экономическую базу, а военная активность — безопасность и мобилизацию. Отказ от постоянной военной активности, по Шан Яну, ведёт к ослаблению дисциплины и росту деструктивных тенденций в обществе [7,–75]. Важное значение приобретает переосмысление государства как расширенной формы патронимии: служение государству и участие в войне интерпретируются как продолжение традиционного долга перед семьёй и родом. Такой подход позволяет интегрировать новые формы власти в привычную символическую систему и тем самым обеспечить их легитимацию [12,160].

Существенным инструментом рационализации власти становится политика сознательного ограничения интеллектуальной и культурной активности населения. В «Шан цзюнь шу» подчёркивается, что избыточное развитие образования и критического мышления может ослабить дисциплину, тогда как ограниченность знаний повышает управляемость общества. Знание и культура оцениваются здесь исключительно с точки зрения их функциональной полезности для государства [7,35-40]. С этих позиций Шан Ян критикует традиционные культурно-нормативные комплексы — ритуал (ли), музыкально-эстетические практики и классические тексты («Шицзин», «Шуцзин»), а также базовые категории конфуцианской этики (жэнь, сяо и др.). Они рассматриваются как факторы, препятствующие формированию дисциплинированного общества, поскольку закрепляют автономные моральные ориентиры, не совпадающие с целями государственной политики. Тем самым легизм осуществляет десакрализацию культурной традиции, подчиняя её логике политической целесообразности [1, 215].

Антропологическое основание легистской концепции заключается в признании эгоистической природы человека, ориентированной на выгоду (ли). Исходя из этого, Шан Ян выстраивает модель управления, в которой поведение регулируется системой внешних стимулов — наград и наказаний. Приоритет отдаётся наказанию как более надёжному средству поддержания порядка: даже незначительные нарушения подлежат строгому пресечению, что формирует атмосферу превентивного контроля и дисциплины. Тем самым складывается ранняя модель рационализованного социального контроля, в которой индивидуальная мотивация подчиняется интересам государства [11, 82–85].

Правовая система легизма строится на противопоставлении закона (фа) и ритуала (ли). Если ритуал выражает традиционные нормы, то закон выступает формализованным и универсальным регулятором, обеспеченным принудительной силой государства. Введение единых обязательных норм свидетельствует о стремлении к созданию нормативно однородного пространства, исключая произвольность и усиливающего централизованный контроль [7,75]. В политико-философском плане легизм

утверждает приоритет государства как самодовлеющего института, определяющего цели общественного существования. Правитель выступает единственным источником закона и центром принятия решений, не ограниченным внешними нормами.

Идея единовластия, выраженная в формуле о «едином правителе», отражает стремление к максимальной концентрации власти и устранению альтернативных центров влияния [11,78–82]. В результате реформы Шан Яна не только усилили царство Цинь, но и заложили основы институциональной модели централизованного государства. В дальнейшем, в трудах Хань Фэя, легистские идеи оформились в целостную доктрину рационализованного управления, в которой политическая целесообразность, эффективность и дисциплина выступают ключевыми принципами организации власти [5,125].

В интерпретации Шан Яна отношения между властью и народом приобретают принципиально конфликтный характер, что отражает установку легизма на приоритет силы и управляемости над моральной гармонией. Государство понимается как система, в которой устойчивость достигается не через согласие, а через институциональное превосходство власти над обществом: «когда власти сильнее народа — государство могущественно» [12,150–152]. Подобный подход демонстрирует раннюю форму политического реализма, где власть рассматривается как ресурс, требующий постоянного воспроизводства и усиления. Рационализация власти проявляется и в трансформации социальной структуры. Отмена наследственных титулов и введение системы рангов, предоставляемых за личные заслуги, прежде всего военные, означают переход от статусной к функциональной иерархии. Социальное положение определяется вкладом в укрепление государства, а не происхождением. Допущение продажи рангов и должностей отражает прагматическую ориентацию на мобилизацию ресурсов и расширение социальной базы власти [5,120].

Ключевым элементом институциональной рационализации становится унификация административного пространства и внедрение коллективной ответственности. Деление населения на малые группы, связанные круговой порукой, превращает общество в систему взаимного контроля. Коллективная ответственность, вплоть до наказания всей группы за проступок одного её члена, усиливает дисциплинарный характер власти и формирует устойчивые модели лояльного поведения [3,220]. В теоретическом плане легизм представляет одну из ранних попыток осмысления государства как самодовлеющей системы, подчиняющей все сферы общественной жизни.

Наш вывод. Хотя в современной науке легизм иногда сопоставляется с моделями тоталитарного государства, подобные аналогии требуют осторожности и учёта исторического контекста. Тем не менее легизм формирует тип политической рациональности, в котором ключевыми принципами выступают эффективность, контроль и централизованное управление [11,85].

Историческое значение легистской программы определяется её длительным влиянием на китайскую политическую традицию. Реформы Шан Яна создали

предпосылки для объединения Китая и формирования централизованной империи, а их идеи были развиты в учении Хань Фэя. Несмотря на критику со стороны других школ, элементы легизма были интегрированы в официальную идеологию имперского Китая, прежде всего в трансформированное конфуцианство, что свидетельствует о глубокой укоренённости принципов рационализированной власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Белл Д. Китайская модель. Политическая меритократия — предел демократии/ пер. англ. А.Демьянчук. - Киев: Nash format, 2017. - 312 с.
2. Малявин В. Военный канон Китая. - Москва: РИПОЛ классик, 2015. - 416 с.
3. Торчинов Е.А. Пути обретения бессмертия. Даосизм в исследованиях и переводах. - Санкт-Петербург: Пальмира, 2017. - 604 с.
4. Беньковский В. В. Политология: учеб. пособие для вузов / В. В. Беньковский, С. В. Решетников; Бел. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Минск, 1991. – 208 с.
5. История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсисянца. – М.: Норма 2001. – 352 с.
6. Илюшечкин В. П. Конфуций и Шан Ян о путях объединения Китая / В. П. Илюшечкин // XVI Научная конференция «Общество и государство в Китае». – М.: Наука - Восточная лит, 1985. – Ч. 1. – С. 36–42.
7. Книга Правителя области Шан / пер. Л. С. Переломова. – М.: ЛАДОМИР, 1993.– 392 с.
8. Калюжная, Н. М. Влияние учения Шан Яна на социально-политические взгляды Чжан Бинлиня / Н. М. Калюжная // XVIII Научная конференция «Общество и государство в Китае». – М.: Наука, 1987.– Ч. 3.- 46-55 с.
9. Нерсисянец, В. С. Политические учения Древнего Китая / В. С. Нерсисянец. – М.: Наука, 1979. – 255 с.
10. Удальцов, С. Ф. История политических и правовых учений (Древний Восток) / С. Ф. Удальцов. – СПб.:, Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2007. -661 с.
11. Переломов, Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая / Л. С. Переломов. – М.: Наука, 1981. – 334 с.
12. Личность и власть в Древнем Китае : избранные труды / В. А. Рубин ; Сост. и отв. ред. А. И. Кобзев. – М. : Иголи, 1993. – 315 с.
13. Сыма Цянь. – Шанхай, 1958.– Т. 1. – 360 с.